

АМЕРИКА РУКОПЛЕЩЕТ СОВЕТСКОМУ ПИАНИСТУ

5 «Великий день в моей музыкальной жизни»

Я МНОГО слышала о Святославе Рихтере как о прекрасном музыканте и тонком виртуозе, но раньше мне никогда не приходилось бывать на его концертах. Немало мне рассказывал о нем и мой ученик Ван Клиберна, хорошо знакомый любителям музыки в Советском Союзе. И вот вчера вечером, на первом нью-йоркском выступлении Рихтера в зале «Карнеги-холл», я впервые услышала его игру. Должна сказать, что она превзошла все мои ожидания: это был поистине великий день в моей долгой музыкальной жизни, да и не только моей. Редко своды «Карнеги-холла» слышали что-либо подобное. А ведь этот старейший в Нью-Йорке концертный зал звал величайших музыкантов.

Святослав Рихтер — это прежде всего яркая и неповторимая индивидуальность. Он не просто виртуоз, который в совершенстве владеет инструментом, владеет с поразительным мастерством и изяществом. Святослав Рихтер — вдохновенный поэт в музыке, и в этом его покоряющая сила.

На своем недавнем концерте в Чикаго Рихтер играл Брамса. Для первого выступления в «Карнеги-холле» он составил свою программу из произведений Людвиг ван Бетховена. Это были сонаты — третья, девятая, двенадцатая, двадцать вторая и знаменитая двадцать третья, известная под названием «Аппассионата». Трудно сказать, какая из них исполнена лучше — все они сыграны с блеском. Молодой Бетховен оживал под пальцами пианиста в столь же ярких красках, как и зрелый маэстро с его нежной душой, демоническими порывами и необузданными страстями. Слушая Рихтера, я все время ловила себя на мысли, что присутствую при исключительном явлении XX века. Казалось, что отточенная техника его игры не знает предела, что никакие трудности не являются для нее непреодолимыми. И вместе с тем хочется подчеркнуть, что техника для него — это не самоцель, а лишь средство, с помощью которого он наиболее полно и чутко доносит до сердца слушателя замысел и настроение композитора.

Это ощущение еще более усилилось, когда Рихтер, уступая несмолкавшим просьбам публики сыграть «на бис», исполнил пьесы Шуберта, Шумана и два этюда Шопена, среди последних — из

вестный «революционный» этюд с его призывными набатными аккордами. Это была не только великолепная игра, это был вихрь чувств и мыслей, волновавший, восторгавший, захватывающий слушателей.

Такого мастера, как Святослав Рихтер, могла вырастить и выгнать лишь лучшая музыкальная школа, какую знает мир. А таковой, несомненно, является русская, советская пианистическая школа с ее богатыми классическими традициями, огромным опытом и великолепными педагогами. Я всегда считала, что тот, кто хочет стать действительно зрелым пианистом, должен побывать в Москве, должен почерпнуть мастерство из родника взаимного обогащения музыкальных школ. Такой совет я дала в свое время и моему Вану.

После вчерашнего концерта в «Карнеги-холле» мне еще более радостно сознавать, что русская музыкальная школа и ее питомец Святослав Рихтер добились таких выдающихся успехов. Я уже около сорока лет преподаю музыку в Нью-Йорке и помню, как расцветали многие таланты. Ни в одной стране их не ведут столь бережно, вдумчиво и уверенно вверх по лестнице мастерства, как в России. В этом убеждает меня моя долголетняя музыкальная практика. Это подтверждает и вчерашний концерт Святослава Рихтера — пианиста, завоевавшего сердце Нью-Йорка.

Розина ЛЕВИНА,
профессор Нью-Йоркской консерватории.

НЬЮ-ЙОРК, 22 октября. (По телефону).

ИЗВЕСТИЯ
МОСКВА

22 ОКТ 1960